Дмитрий БЛИЗНЮК

Автор: Жюри 1-го тура
12.02.2012 09:10

Поэт, лауреат Международных литературных конкурсов "Кубок Мира по русской поэзии" и "Чемпионат Балтии по русской поэзии. Живет в Харькове (Украина).

Дмитрий БЛИЗНЮК, Харьков (Украина)

КРАСНЫЙ ЛЕС

ты живешь во мне.
и каждое утро подходишь к глазам
изнутри моей головы, точно к французским окнам -
чистое литое стекло разлито до самых пят,
и ты потягиваешься на цыпочках и смотришь
на едва шевелящийся зеленью водопад
нового дня,
оставаясь собою.
смотришь на знакомо незнакомый мир after-dinosaurs,
на просыпающийся в сиреневых камушках город...
я подарил тебе яркую каплю бессмертия,

впустил тебя хищной неясытью
в красный лес своего сердца...

когда-то
я целовал тебя, всасывал сладкий дымок
из глиняных рожков твоей груди,
поглощал солоноватую суть
полупрозрачных ключиц и шеи,
приминал пальцами муаровое свечение
на лопатках;
я осязал твое сознание -
точно пушистый одуванчик в руке, -
и оставалось только нежно подуть тебе в глаза,
чтобы ты распушилась по спальне,
медленно закружилась тысячей и одной
ласковой лебяжьей иглой...
а потом мы засыпали, хрестоматийно обнявшись;
иногда я вздрагивал в полусне, точно холодильник,
и ты нежно гладила меня по загривку.
наша жилистая от множества проводов квартира
нуждалась в ремонте, словно бедный факир -
в новой корзине для змей-танцовщиц.
и не было у нас ни золотых рыб, ни синего моря -
лишь монументальный вид из окна
наподобие... (удалено модератором)

я был ребенком внутри корабля,
а ты была моим таинственным морем.
я боролся с дневным светом - лучами твоей свечи.
никто из нас не хотел уступать,
никто не хотел сдаваться,
проигрывать обжигающей темноте,
разрастающейся между нами.
я шептал «выкл»,
но твоя любовь мягко сияла.
ты исподволь становилась частью меня,
победоносно вкладывалась в мой мозг,
как лезвие - в перочинный нож.
как ребро, переросшее Адама...

любимая,
я стал заложником полезных привычек,
меня с годами поражает вселенский голод:
все, кого я запоминаю, становятся мною.
вот так мы находим продолжение души
в бесценном камушке, найденном на берегу моря,

в женщине, идее, дереве на горе,
в теореме, триреме, тереме,
в деревенской глуши, в дебрях науки,
в бессмертных, мерцающих садах искусства,
в крохотной теплой ладошке внука...
держи меня, соломинка, держи...

ВНЕКОНКУРСНАЯ ПОДБОРКА

СЕМЬ ЖИЗНЕЙ

* * *

Крошки в постели —
инсталляция громадного скворечника,
но все грачи улетели,
и я изучаю твои складчатые веки,
будто серебристо-металлические закаты над городом
пост-ядерного одиночества.
Ты опять не смыла на ночь косметику:
принцесса в белье из лягушачьей кожи,
ты так любишь овсяное печенье —
ребенок в тебе, как в батискафе,
становится на цыпочки
и вглядывается в мир за стеклом,
а там темным-темно,
изредка мелькают грозные тени.
Ночь. Густой свет торшера
цвета гречневого меда на вязком изломе,
твои маленькие ладони — рукопожатие птички,
но прощаясь, ты всегда обвиваешься вокруг шеи,
нащупываешь родинку
и смотришь на замершие отражения
в зеркале прихожей — как мы смотримся —
фотогенично ли?
идиотично ли? —
как и все самодостаточные любовники.
Тишина после тебя — кильватерная пена,
и вот появляются взбаламученные кувшинки
с подводными венами, перерезанными винтом.
На кушетке в приемной парапсихолога
я прокручиваю в голове твой голос,
словно обруч с голубой лентой.
А за окном крадется хромающей рысью осень

и пахнет тлеющими листьями. Лучинки из детства.
И мне все равно, куда тебе нужно деться:
я вижу, как загорается свет
в твоей параллельной жизни,
неприятные мысли, и я присыпаю их тальком —
сопревшие попки младенцев...
-
Стягиваю тугие джинсы с твоих бедер,
точно плотную кожу с рептилии,
вдруг останавливаюсь. Десятки воспоминаний
наслоились друг на друга, став твердыми,
будто жемчужины. Так рождается дежавю.
Так из десятков моих стихотворений
однажды выйдешь ты —
испачканная голубым сиянием, как джемом,
смеющаяся лебедь
с хулиганским засосом на изящной шее...

* * *

Ты кошка — семь жизней растрачены на чепуху,
на стирку и готовку, на варку и уборку,
на боевую раскраску лица и тела,
на чуткий сон у колыбели.
Мне осталось тебя так мало.
Налить тебе лунного молока?
Я читаю тебя, как юношеские записки Шерлока,
как шпаргалки на девичьих коленях.
Мне от тебя осталась шагреневая кожа
и она с каждым годом все меньше и тоньше,
но я не могу не желать, не стремиться.
Мелкое перышко торчит из подушки,
будто лыжня из снежного спуска.
За окном блестит карамельная луна,
и я смотрю на тебя сквозь годы,
сквозь густой снегопад:
ты улыбаешься, и твои губы
кажутся запачканными кефиром
в наплыве падающих снежинок...

* * *

Полутьма скрывает изъяны наших душ.
На кухне исподволь закипает вечер,
точно вишневый лак в кастрюльке
для заливки покалеченных скрипок:

вот здесь запястья погрыз короед,
а выше дятел терзал предплечья клена.
Выруби телевизор - бедлам из картона.
Убавь же свет и просто наблюдай:
мир расширяется,
точно зрачок с зеленым абажуром
или с волшебно подсвеченным аквариумом;
сиреневая полутьма - это то, что нам нужно,
чтобы душа смелее вышла из тела,
чтобы слова ступали тверже и наглее,
как Маугли, впервые увидевший вечерний город;
иногда и молчание - форма звука,
иногда и тьма - форма света,
и мы обвиваемся тишиной вокруг несказанных слов,
две сумеречные планеты;
обнимая тебя в сумерках, смываю с себя имя,
ценники, угловатые формулы на доске;
слишком много капканов на разумного зверя,
слишком много стеклянных будок внутри.

Когда ночь тушит огоньки сознаний
в зеленовато-бронзовых канделябрах тел,
мы на несколько минут становимся такими,
какими нас Господь видеть хотел –
свободные острова без явно очерченных берегов
парят в сдвоенной полутьме неба и моря;
так невидимка свободен во время дождя.
Это чувство накапливалось веками,
когда мы лежали в пещерах на завшивленных шкурах
и зубчатые отблески костра нас согревали -
сытых, сонных.
И в эти мгновения нечто посыпало нас солью -
на стеблях дыхания расцветала тишина -
цветы оранжевой тьмы.
Это власть теней и шепота,
когда отчетливо слышна музыка внутри вен и хрящей,
внутри поцелуев и лицевых костей.
Это вишенки на мясном торте хищника;
и наши объятия - символ чего-то большего,
чем инстинкт размножения/наслаждения.
Так мангуст прислушивается к мелодии флейты,
текущей из приоткрытого окна.
И на миг забывает о змеях.

Страница автора в Сети

Дмитрий БЛИЗНЮК

Автор: Жюри 1-го тура
12.02.2012 09:10